

Сергей

Рахманинов

Судьба порой причиняет такую боль и наносит такие смертельные удары, что полностью меняет характер человека. Такую роль сыграла в моей жизни собственная Симфония...

Сергей Васильевич Рахманинов

Воспоминания, записанные

Оскаром фон Риземаном

Серия «Иллюстрированные

биографии великих музыкантов»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21130156

Рахманинов С.В. Воспоминания, записанные Оскаром фон Риземаном:

АСТ; Москва; 2016

ISBN 978-5-17-097242-5

Аннотация

Сергей Васильевич Рахманинов, к сожалению, не оставил мемуаров, и перед нами фактически единственный подлинный мемуарный документ – рассказ композитора о себе. Книга воспоминаний Рахманинова, записанных Оскаром фон Риземаном, была издана в Лондоне в 1934 году. Со страниц книги звучит голос нашего великого соотечественника, рассказывающего о своем детстве, годах учения, первых шагах в качестве пианиста, дирижера, о драматических событиях и триумфах, сделавших его уже к тридцати годам гордостью и славой России...

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. Счастливое детство 1873–1882	16
Глава вторая. Санкт-Петербург консерватория. 1882—1885	28
Глава третья. Москва. Зверев и Аренский. 1885 —1889	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Рахманинов

**Воспоминания, записанные
Оскар фон Риземаном**

Серия «Иллюстрированные биографии великих музыкан-

тов»

Rachmaninoff's
Recollections told by Oskar von Riesemann

Перевод с английского, послесловие и комментарии *Валентина Чемберджи*

© В.Н. Чемберджи, перевод, послесловие, комментарии,
2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

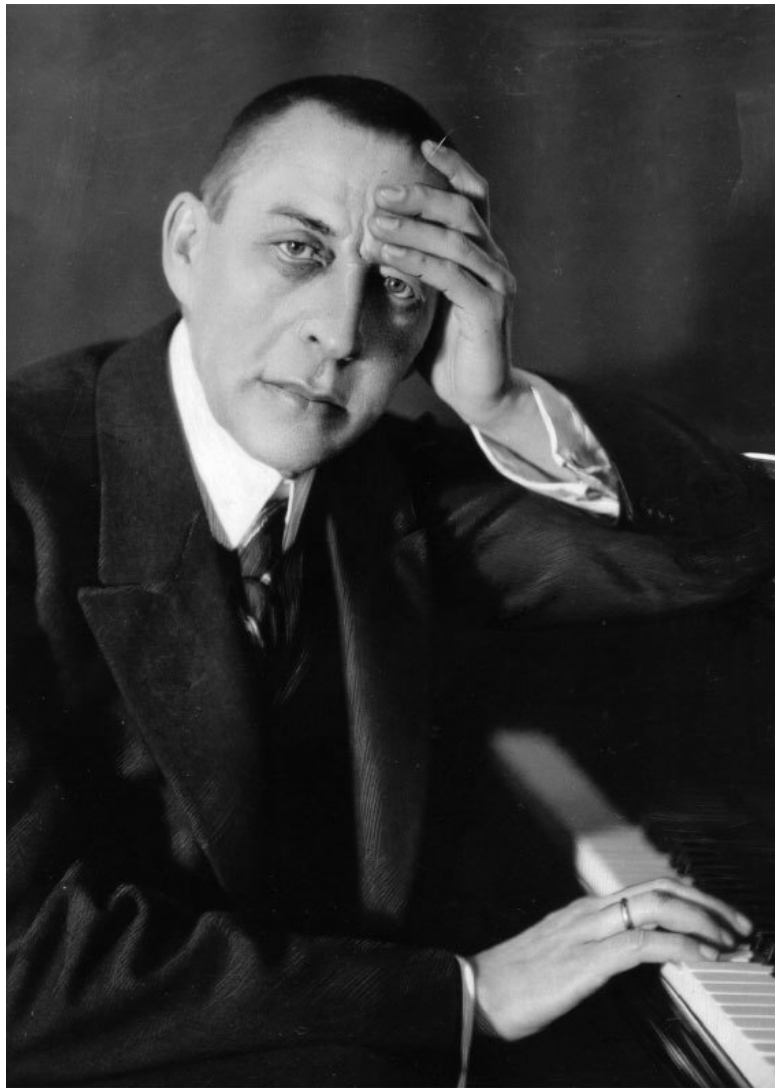
* * *

Предисловие

¹.

---

¹ Комментарии к каждой главе даны в конце книги.

Сергей Васильевич Рахманинов (1873–1943)

В часе езды от Парижа, вблизи Рамбуйе, восхитительной летней резиденции президента Французской Республики, в лесах которой он вместе с друзьями наслаждается охотой на фазанов, находится маленькое предместье Клерфонтен. Оно славится множеством великолепных ландышей, привлекающих сюда в погожие весенние дни добрую половину парижан. Его окружает стена с высокими воротами – чтобы они отворились, надо позвонить в звонок, которому по меньшей мере сто лет. Через чугунные узоры можно разглядеть угол скромного особнячка. Это «Павильон», загородный дом, где Рахманинов в последние годы проводит лето².

Лишь поднявшись на несколько ступенек, ведущих к двери фасада, обращенного в парк, вы поймете, почему своим летним прибежищем композитор выбрал именно Клерфонтен.

Перед домом раскинулся широкий газон, окруженный ве-

---

² «Похожий на замок, большой дом „Павильон“, защищенный от улицы невысокой изгородью... Широкая лестница открытой веранды вела в парк. Вид был очаровательным: зеленая лужайка перед домом, теннисный корт среди кустов, песчаные дорожки, обсаженные высокими старыми деревьями, ведущие в глубь парка, где был большой пруд, – все это походило на старинную русскую усадьбу. Парк граничил с летней резиденцией президента Франции. Маленькая калитка выходила на обширные земли для охоты: там росли сосны и водилось огромное количество кроликов. Рахманинов любил сидеть под соснами и наблюдать за играми и проказами зверьков». (А. Дж. и Е. Сваны. Воспоминания о Рахманинове. М., 1961.)

ликолепными древними каштанами и липами, сквозь листву которых можно увидеть теннисный корт, и кажется, что прямая как стрела дорога, окаймленная зарослями бука и серебристыми березами, находится где-то бесконечно далеко отсюда. Вкрапленные в луга и величественные леса пруды оглашаются громким кваканьем лягушек.

– Этот хор я не променяю на самый великолепный соловьиный ансамбль, – говорит Рахманинов.

Кроме лягушек, ничто не нарушает глубокой тишины. Ни одного звука из внешнего мира не доносится сюда из-за стены. Ничто не тревожит природного покоя. Именно здесь, в этом парке, на поляне среди деревьев, толпящихся у ворот, ведя постоянную изнурительную войну с полчищами комаров, я делал свои записи, а Рахманинов прохаживался передо мной и рассказывал. В прекрасных простых фразах, которые тем не менее пульсировали силой, в словах, приобретающих особую наполненность от пронизывающих их эмоций, придающих зримость описанию, он поведал мне прихотливый ход своей жизни.

Никогда прежде я не испытывал такого сожаления оттого, что не владею русской стенографией: боюсь, что неизбежны потери, связанные с вынужденным переводом на английский язык, который мешал мне отдать должное пластичной ясности и спокойной силе высказывания, свойственным рассказчику.

Биографу не часто доводится черпать из такого поистине

живого источника. В данном случае я с особой благодарностью отношусь к этой возможности, поскольку она является единственной. Материал, который обычно находится в распоряжении биографов, — я имею в виду письма, рукописи, газетные статьи и тому подобное, мне недоступен. Он остался в Советской России, и его использование исключено. Мне кажется, однако, что вряд ли есть основания расценивать как недостаток или потери абсолютную подлинность личного общения, не говоря уже о том, что отбор материала был полностью предоставлен герою повествования. В биографии ныне живущего человека встречаются факты, небезразличные для чувств других людей, и поэтому некоторые из них вполне могут быть опущены, и, как мне кажется, в таких случаях лучшим судьей может быть субъект повествования. Опущенные главы истории должны быть и, скорее всего, будут рассмотрены в исторической ретроспекции последующими биографами. Я надеюсь, что страницы настоящей книги когда-нибудь существенно обогатятся; вместе с тем представленный здесь материал не нуждается в проверке и, следовательно, может составить основу любой позднейшей биографии Рахманинова.

Почему, чтобы рассказать историю своей жизни, Рахманинов выбрал именно меня? Подходил ли я больше, чем другие, для этой цели? У меня были некоторые преимущества, и они, конечно, сыграли свою роль в том, что Рахманинов

охотно откликнулся на мое предложение.

Моя жизнь, немалая часть ее, текла параллельно с жизнью Рахманинова, и первый взлет его композиторской и исполнительской славы произошел на моих глазах. С 1899 по 1917 год я присутствовал на каждом из длинной серии триумфов, сопровождавших первое исполнение его произведений в Большом театре и в концертных залах Москвы.

В 1899 году я поступил в Московский университет, и вскоре мы с Рахманиновым встретились в доме нашего общего друга, княжны Александры Ливен. После окончания курса я остался в Москве, и путь к простому, выкрашенному в желтую краску особняку позади Страстного монастыря на Страстном бульваре стал для меня привычным.

Самое яркое воспоминание, связанное с моей дирижерской деятельностью, – это вечер, на котором Рахманинов во второй раз играл свой Третий фортепианный концерт.

Мы встречались не только в Москве. Когда Рахманинов был в Дрездене, я находился в Лейпциге, где учился под руководством Хуго Римана и Артура Никиша. Всякий раз, когда в «Гевандхаузе» ожидался выдающийся концерт, Рахманинов приезжал в Лейпциг, а если что-нибудь замечательное собиралась предложить дрезденская Придворная опера, он звал меня в Дрезден. Я был обладателем постоянного приглашения на спектакли «Мейстерзингеров» с оркестром под управлением Эрнста фон Шуха – каждый раз меня извещали о дате представления открытками. Во время визитов в го-

род на Эльбе мне выпало счастье присутствовать при истинном рождении клавиров произведений, которые были там созданы, таких как Вторая симфония, Первая фортепианная соната, симфоническая поэма «Остров мертвых», романсы ор. 26³.

Когда в мае 1907 года я в сопровождении друзей отправился на первый «Русский сезон» в Париже, первым, кого я увидел, сидя в вагоне Северного экспресса, к которому присоединили наш Магдебургский, оказался Рахманинов.

Покинув Россию, я в 1922 году поселился в Германии; композитор по случайности оказался в Дрездене, где я навещил его. Потом я стал частым гостем Рахманинова во Франции. Теперь мы соседствуем на берегу озера Люцерн в Швейцарии.

Всех московских и петербургских музыкантов, которых я упоминаю в этой книге, я знал лично и часто встречал, что, естественно, помогает мне в работе. Надеюсь, мне удалось избежать опасности превратить книгу о Рахманинове в мемуары о себе.

---

³ Романсы ор. 26, 1906 г.; Симфония Ас 2 ор. 27. 1906 г.; Первая фортепианная соната ор. 28, 1906–1907 гг.; «Остров мертвых» ор. 29. 1909 г. На автографе Первой сонаты для фортепиано ре минор ор. 28 имеется дата: «14 мая 1907 г., Дрезден»; на автографе симфонической поэмы «Остров мертвых» ор. 29, посвященной Н.Г. Струве, – «Дрезден. 17 апреля 1909 г. Первая соната ор. 28 впервые была исполнена Рахманиновым в Москве 4 января 1909 г. в концерте Московского отделения Русского музыкального общества, а «Остров мертвых» под управлением автора был исполнен 18 апреля 1909 г. в симфоническом собрании Московского филармонического общества».

Работая над биографией Рахманинова, я нередко с досадой обнаруживал, что иные даты премьер и других событий, например начала работы над сочинением и окончания его, не помним ни я, ни Рахманинов. Нас спас счастливый случай. В России была опубликована небольшая брошюра В. Беляева «С.В. Рахманинов»⁴ — она попала в руки композитора. Замечательная особенность этой небольшой книжки состоит в том, что она содержит точный указатель рахманиновских произведений со всеми датами начала работы и ее завершения, обозначенных на всех рукописях композитора. Видимо, в доме Рахманинова побывали представители каких-то советских организаций и нашли рукописи, которые композитор, покидая Россию, бросил в оставленном доме. Их существование сделалось известным публике благодаря вышеупомянутому Беляеву. В брошюре указаны и даты первого исполнения сочинений Рахманинова; это единственный источник, из которого я черпаю сведения для этой книги.

Ее выходу существенно помогли дружеская и самоотверженная помощь миссис Фриды Крамер из Кастаниенбаума в Швейцарии. Считаю приятным долгом выразить ей свою признательность. Приношу благодарность также свояченице композитора мадемуазель Софи Сатиной, которая поведала мне многочисленные детали семейной жизни, забавные случаи, а также показала фотографии, которые ей удалось захватить при бегстве из России. Я должен также принести

---

⁴ Беляев В. С.В. Рахманинов. М., 1924.

благодарность миссис Лили Дидерикс фон Вогау и господам Дюркооп из Гамбурга, любезно предоставившим мне фотографии Рахманинова и его семьи; я признателен русским музыкальным издателям в Париже и господам Брейткопф и Хертель за их готовность предоставить в мое распоряжение сочинения; и напоследок, но отнюдь не в последнюю очередь, спасибо мистеру Феликсу Айлмеру из Лондона, чья помощь оказалась неоценимой при выпуске английского издания этой книги. Если мой труд встретит желание бесчисленных поклонников и друзей композитора более полно осветить музыкальный путь и становление Рахманинова как художника, она может быть дополнена. Любые сведения, касающиеся музыкальной жизни Москвы конца XIX века, центральной фигурой которой был Сергей Рахманинов, оказались бы, конечно, чрезвычайно полезными.

Оскар фон Риземан

Сент-Никлаузен, близ Люцерна

Осень 1933 года

Дорогой господин Риземан!

рукопись Вашей книги, и мне хочется поблагодарить Вас за чуткое понимание, с которым Вы передали наши задушевные беседы в Клерфонтене.

Если Вы и переоценили значение некоторых из моих скромных достижений, то уверен, что целиком обязан этим нашей долгой и тесной дружбе.

Верьте, искренне Ваш
С. Рахманинов

Июль 28, 1933

Глава первая. Счастливое детство 1873–1882

Родители и предки композитора. – Первые воспоминания детства. – Преподавательница фортепиано Анна Орнатская. – Споры родителей относительно будущего их сына. – Пажеский корпус. – Вмешательство судьбы. – Рахманиновы – дети и родители. – Переезд в Санкт-Петербург. – Маленький Сережа поступает в консерваторию.

Василий Рахманинов, сын землевладельца Аркадия Рахманинова и Варвары Рахманиновой, в девичестве Павловой, был капитаном кавалерии⁵ и принадлежал к кругам знатной помещичьей аристократии России. Он рано вышел в отставку и женился на Любви Бутаковой, дочери генерала Петра Бутакова, возглавлявшего Аракчеевское военное училище в Новгороде, где он преподавал историю, и Софьи Литвиновой.

Рахманиновы ведут свое происхождение от молдавских «господарей» Драгош, которые управляли Молдовой две сотни лет (с XIV по XVI век). Один из них выдал свою сестру Елену⁶ замуж за сына и наследника Великого князя Мос-

---

⁵ Василий Аркадьевич служил в Гродненском гусарском полку.

⁶ Елена была выдана замуж за сына Иоанна III не братом своим, а отцом –

ковского Ивана III, их внуку – Рахманину – обязана семья своей фамилией. Рахманинов, офицер Санкт-Петербургской гвардии, принимал самое живое участие в восшествии на престол дочери Петра Великого императрицы Елизаветы, за что государыня пожаловала ему имение Знаменское⁷ неподалеку от Тамбова. С тех пор Знаменское осталось во владении семьи. Знаменитое тамбовское черноземье – это как бы плодоносный перешеек между Центральной и Южной Россией. Бутаковы же владели землями под Новгородом, на севере Российской империи, – скудными почвой, но богатыми легендами и преданиями.

Василий Рахманинов был блестящим офицером. Необыкновенно привлекательный, среднего роста, широкоплечий, смуглый, с изящными, быстрыми и выразительными движениями, наделенный недюжинной физической силой, он пленял окружающих своим обаянием. Полковой законодатель мод вел довольно рассеянный образ жизни, сорил деньгами направо и налево, отдаваясь в плен разнообразным фантазиям; он легко увлекался несбыточными планами. В его мечтах рождались грандиозные деловые проекты, которые стоили ему немалых денег и неизменно приводили к полному краху. Будучи человеком музыкально одаренным, Василий Рахманинов растратил свой талант, услаждая изумительным зву-

---

Стефаном I.

⁷ Знаменское было прикуплено к дарованному имению Козловского уезда Тамбовской губернии.

ком уши светских дам, наигрывая им арии из опер или аккомпанируя на балах. Незаурядный музыкальный дар Василий Рахманинов унаследовал от отца. Дед композитора, спокойный, достойный джентльмен, следуя семейной традиции, молодым еще человеком посвятил себя армии и сражался на поле брани во время Русско-турецкой войны. Но армейская служба несколько не занимала его. Вскоре он вышел в отставку и удалился в тамбовское имение, которого, в сущности, больше не покидал. Отдавшись своему единственному увлечению – музыке, он, по всеобщему мнению современников, стал выдающимся музыкантом и великолепным пианистом. В молодости он занимался у Джона Фильда, ученика Клементи, добрую половину жизни посвятившего преподаванию музыки в Санкт-Петербурге и Москве. Фильд стал основателем единственной в своем роде традиции фортепианной игры и получил специальный приз за *jeu perlé*⁸, которой обучал своих питомцев.

Дедушка Рахманинова также отличался этой изысканной манерой игры. Он относился к музыке с большой серьезностью и отдавал занятиям всю душу. До самого смертного часа он ежедневно занимался по четыре-пять часов, и никому ни под каким видом не разрешалось отвлекать его от рояля. Даже если бы загорелись его конюшни, а на поля обрушился ураган, он ни на минуту не прекратил бы своего восхожде-

---

⁸ Бисерная игра (франц.).

ния по «Cradus ad Parnassum»⁹. Иногда удавалось уговорить его поиграть для публики на частном или благотворительном концерте, и это событие всегда становилось праздником для губернии. Дед Аркадий Рахманинов, без сомнения, принадлежал к выдающимся музыкантам-любителям, которых немало насчитывалось в России первой половины XIX века. В эти славные ряды входили Улыбышев, граф Виельгорский, князь Одоевский, князь Шереметев и многие другие. Далеко опередив своих предшественников, вышли из этой касты Глинка, Даргомыжский, а потом уж и Римский-Корсаков, Бородин, Мусоргский.

Любовь Бутакова принесла своему мужу, бывшему кавалерийскому капитану, богатое приданое в виде четырех или пяти великолепных поместий. Должно быть, Василий Рахманинов рано подал в отставку именно потому, что намеревался целиком посвятить себя заботе об этих поместьях – решение, которое в дальнейшем привело, увы, к самым печальным последствиям.

От их брака родилось шестеро детей: три дочери – Елена, Софья и Варвара и три сына – старший Владимир, Сергей и Аркадий, на восемь лет моложе Сергея, – единственный оставшийся в живых брат композитора.

После свадьбы родители Рахманинова поселились в имении Онег в Новгородской губернии. Вместе с ними, в одном

---

⁹ «Ступени к Парнасу» – сборник этюдов М. Клементи (1752–1832). – *Примеч. пер.*

из крыльев отдельного особняка, жили дедушка и бабушка Бутаковы. Имение было расположено на берегу той самой реки – реки Волхов, которую прославил Римский-Корсаков в опере «Садко». Русалка, морская царица Волхова, разлученная со своим возлюбленным, легендарным гусяром Садко, начинает плакать и разливается в реку Волхов, ее серебристые волны бороздят Псковскую равнину и впадают в озеро Ильмень. Окружающая природа отличается таким богатством, настолько живописна, что, без сомнения, не могла оставить равнодушной чувствительную натуру растущего здесь ребенка. Суровый северный пейзаж с его неизменным ритмом наложил отпечаток на душу мальчика и нашел могучее выражение, сообщив убедительность и притягательность будущим сочинениям композитора.

Вот что рассказывает Рахманинов о своем раннем детстве: – Я помню себя с четырех лет, и странно, но все мои детские воспоминания, хорошие и плохие, печальные и счастливые, так или иначе обязательно связаны с музыкой. Первые наказания, первые награды, которые радовали мою детскую душу, неизменно имели непосредственное отношение к музыке.

Так как моя музыкальная одаренность обнаружилась, видимо, очень рано, мама стала давать мне уроки музыки с четырех лет.

Помню, что, едва я начал заниматься музыкой, дедушка с отцовской стороны выразил желание навестить нас. Мама

рассказала мне, что он большой музыкант, удивительный пианист и, может быть, захочет меня послушать. Думаю, она сама решила продемонстрировать деду талант своего сына. Но прежде всего мама посадила меня рядом с собой и занялась моими руками, подстригла и привела в порядок ногти – словом, сделала все, что положено, объяснив, что для игры на фортепиано необходимо ухаживать за руками. Этот поступок произвел на меня глубокое впечатление. Руки моей матери отличались необыкновенной красотой: белые, холеные – пример для нас, детей.

Приехал дедушка, меня посадили за рояль, и пока я играл ему простенькие, из пяти или шести нот, мелодии, он аккомпанировал мне, причем его аккомпанемент показался мне тогда красивым и невероятно трудным. Скорее всего, это было нечто вроде пьес на тему «Собачьего вальса» или «Тати-тати» – шуточных вариаций, сочиненных композиторами «Могучей кучки», среди которых были Бородин, Кюи и Римский-Корсаков. Дедушка похвалил меня, и я очень обрадовался. Это был единственный раз, когда я виделся с дедушкой и играл с ним в четыре руки, потому что вскоре после этого он умер.

Наверное, я делал заметные успехи в игре, потому что, помнится, уже в четыре года меня просили поиграть гостям; если я играл хорошо, то получал щедрое вознаграждение: из соседней комнаты «публика» бросала мне разные приятные вещи – конфеты, бумажные рубли и прочее. Я был в востор-

ге.

В наказание же за скверное поведение меня сажали под рояль. Других детей в таких случаях ставят в угол. Сидеть под роялем было в высшей степени позорно и унижительно. Когда мне исполнилось четыре года, решено было взять учительницу по фортепиано. Ею оказалась некая Анна Орнатская, только что окончившая Санкт-Петербургскую консерваторию по классу профессора Кросса, одного из многочисленных педагогов по фортепиано, приглашенных в первую русскую консерваторию ее основателем, Антоном Рубинштейном.

Анна Орнатская оставалась с нами два или три года, но преподавала мне только игру на рояле. Если не ошибаюсь, у нас были и другие учителя; немецкие *Fräulein* сменялись французскими *Mademoiselles* непременно обитательницами русских усадеб. Хотя ничего определенного на этот счет я не помню, но на основании того, что, став постарше, я изрядно владел французским языком, можно сделать вывод, что все происходило именно так. После того как я научился читать и писать, мне придумали новое наказание за проступки: я должен был полностью проспргать на грифельной доске, которые были тогда в моде, какой-нибудь неправильный французский глагол. Это наказание, однако, вскоре отменили: оно оказалось слишком необременительным для меня, в таком случае должен же я был у кого-то научиться французскому языку, ведь с родителями мы всегда говорили только

по-русски.

Так проходили мои детские годы. Родители часто ссорились. Мы, дети, больше любили отца. Это, наверное, было несправедливо по отношению к матери, но поскольку отец обладал добрым и ласковым нравом, удивительным добродушием и сильно нас баловал, неудивительно, что наши детские сердца неудержимо тянулись именно к нему. Мать, напротив, отличалась чрезвычайной строгостью. Отец большую часть времени отсутствовал, и все домашние обязанности ложились на мать. С самых первых дней мы были приучены к тому, что «для всего есть свое время». Кроме подробного расписания уроков строго определенные часы отводились игре на фортепиано, гулянию, чтению, и только чрезвычайные обстоятельства могли нарушить этот четкий распорядок. Между прочим, с тех пор я усвоил эти правила и теперь твердо придерживаюсь принятого мною дневного распорядка, причем нахожу такую привычку все более и более ценной. Однако в те далекие времена я не мог понять этого и терпеть не мог принуждения.

В своих спорах родители часто касались одной и той же темы: будущего старшего брата и моего. Младший, Аркадий, тогда еще не появился на свет. Отец настаивал, чтобы мы последовали его примеру и служили в армии. Он желал дать нам образование в одном из самых известных и привилегированных военных учебных заведений для гвардейских офицеров – Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге. То, что

дед по материнской линии был генералом, давало нам право поступить в Пажеский корпус, доступный лишь для избранных. Мать же, в свою очередь, настаивала на моем обучении в Санкт-Петербургской консерватории, хотя не могла ничего возразить отцу в отношении моего старшего брата Владимира. Достойная Анна Орнатская со всем пылом поддерживала мать. Долгое время отец оставался неумолимым, придерживаясь принципа, продиктованного, надо признаться, классовыми предрассудками такого рода: «Pour un gentilhomme la musique ne peut jamais être un métier, mais seulement un plaisir»¹⁰. Мысль, что сын может стать музыкантом, была невыносима для него, так как потомку знатного дворянина совершенно не подобало заниматься такой «пролетарской» профессией.

Но иногда судьба оказывается сильнее всех предрассудков, и на сей раз именно судьба разрешила спор моих родителей. Когда мне исполнилось девять лет, из всех великолепных поместий, принадлежавших матери, в ее владении осталось лишь одно. Остальные проиграл в карты и промотал мой отец. Пажеский корпус, очень дорогое учебное заведение, отпал сам собой. После того как отец вынужден был удовлетвориться тем, что послал моего брата в обычное военное училище, он заявил о своей согласии на получение мною музыкального образования. Ему пришлось распрощаться с

---

¹⁰ «Для достойного человека музыка никогда не может быть профессией, но лишь удовольствием» (франц.).

надеждами, что в его доме засверкает мундир гвардейца.

Мадемуазель Орнатская с еще большим рвением принялась за мою подготовку к поступлению в Петербургскую консерваторию. Она горела желанием, чтобы я, окончив младшие классы консерватории, поступил в конечном счете к ее бывшему педагогу – профессору Кроссу. Но добрая душа не ограничилась этими планами. Так как наши денежные обстоятельства от месяца к месяцу все ухудшались, она взялась выхлопотать мне стипендию. На мое счастье и к ее полному удовлетворению, ей удалось и то, и другое. Профессор Кросс обещал обеспечить меня стипендией при условии, что, поступая на «специальное отделение», я пойду в его класс. Младшее отделение я должен был пройти у его ученика Демянского.

План профессора осуществился лишь наполовину по причинам, о которых я расскажу в дальнейшем.

Как могло случиться, что все состояние Рахманиновых, значительно превышающее средний уровень провинциальных российских помещиков, могло прийти в упадок за такой сравнительно короткий срок? Чтобы понять это, надо остановиться на положении землевладельцев в тот период. Отмена крепостного права уже сделала ненадежными их денежные позиции, поскольку лишила дарового труда. Только тщательнейшие расчеты и жестокая экономия могли спасти положение. Этот режим никак не подходил к хрестоматий-

но прославленной щедрости российского характера. И как нельзя менее согласовался со взглядами на жизнь Василия Рахманинова. Хотя в поместье хозяйничала суровая и благо-разумная женщина, никоим образом не склонная к роскоши, он с легкостью пустил на ветер все деньги. Надо добавить, что разорению предшествовала смерть его тестя Бутакова¹¹ последовавшая вскоре после кончины его собственного отца¹², и он должен был управлять имениями самостоятельно, не имея об этом никакого понятия и не испытывая к сельской жизни ни малейшего интереса. Исключение представляли только лошади. Его помощники, впоследствии уволенные, воровали и мошенничали как только могли, в полное свое удовольствие; в результате прекрасные имения Василия Рахманинова одно за другим пошли на уплату долгов. После долгой и тщетной борьбы за сохранение последнего имения – Онег – оно было пущено с молотка¹³.

В 1882 году Рахманиновы переехали в Санкт-Петербург. К тому времени конфликт между родителями, назревавший уже очень давно, достиг своего апогея – они расстались. Развод не был официальным: он повлек бы большие трудности, так как Русская православная церковь не признавала разво-

---

¹¹ Петр Иванович Бутаков скончался в 1877 г.

¹² Аркадий Александрович Рахманинов, дед С.В. Рахманинова, скончался в 1881 г.

¹³ На начало 1880-х гг. приходятся невзгоды, обрушившиеся на семью Рахманиновых: разрушение материального благополучия семьи, продажа Онега и других имений, составлявших приданое матери.

дов, но родители Рахманинова разошлись навсегда.

Глава вторая. Санкт-Петербург консерватория. 1882—1885

Скромный дом в Санкт-Петербурге. – Развод родителей. – Бабушка Бутакова. – Рахманинов учится у Демянского перед поступлением к профессору Кроссу, выхлопотавшему ему стипендию. – Два первых глубоких музыкальных впечатления: пение сестры Елены и хоры в церквах и соборах Санкт-Петербурга. – Дифтерит. – Смерть сестры Софьи. – Лето в имении Борисово, принадлежавшем бабушке Бутаковой. – На музыкальном небосклоне Санкт-Петербурга появляется звезда первой величины – кузен Зилоти. Мать Рахманинова советуется с ним по поводу безнадежной лени маленького Сережи. – Ответ Зилоти. – Последнее лето в Борисове.

В Санкт-Петербурге госпожа Рахманинова обосновалась в скромной квартире со всеми детьми и своей матерью – вдовой генерала Бутакова, которая полностью взяла на себя расходы по содержанию семьи. Поскольку старший сын Владимир учился в военном училище, Сергей остался в доме за «мужчину».

После привольной жизни в имении, где просторные комнаты и коридоры помещичьего дома давали полную свободу

ду для игр и развлечений, было довольно трудно привыкнуть к тесноте и тишине петербургской квартиры. Кроме того, жизнь в городе омрачалась и отсутствием отца, которого дети обожали больше всех на свете. Госпожа Рахманинова тоже не могла забыть своего мужа, которого любила до последней минуты своей жизни той преданной, самоотверженной и сильной любовью, на которую способны русские женщины. (Она скончалась в сентябре 1929 года в России, так больше и не увидевшись с мужем.) В этот период жизни в Петербурге мать часто плакала вместе с сыном, который горько тосковал по отцу, переживая разлуку с ним со всей пылкостью детского сердца. Но общая печаль не сблизила мать и сына. В противоположность прежнему образу жизни мать почти не уделяла внимания детям, целиком отдавшись мыслям о покинувшем ее супруге.

Все это привело к тому, что ближайшим другом мальчика в доме оказалась бабушка. Он стал ее любимцем; необычайно живой и веселый мальчик не замедлил воспользоваться этим благоприятным для него обстоятельством. Все знают, что такое бабушки! Госпожа Бутакова баловала внука как могла. Она никогда не предпринимала ни малейших попыток воспитывать его, ни мягко, ни строго, не обращала внимания на его недостатки и закрывала глаза на все проделки щедрого на выдумки, озорного мальчика, так как души не чаяла в не по годам развитом и ласковом внуке.

Легко можно представить себе, что такая обстановка не

слишком способствовала занятиям — к несчастью, и музыкальным. Пребывая в спокойной уверенности, что, даже не занимаясь, он далеко обгонит своих товарищей по классу, юный Сергей становился все ленивее и ленивее. Кончилось тем, что он вовсе перестал заниматься, уваливая от уроков, и положился на свой талант и сиюминутное вдохновение, ставшее, по его собственным словам, всего лишь способом выражения лени. Так мало-помалу из него вырос маленький проказник — гроза дворов Санкт-Петербурга. Вместо того чтобы идти в консерваторию, он убегал на каток. Пристрастившись к конькам, Сергей скоро превратился в виртуоза конькобежного спорта, чего никак нельзя было сказать о его игре на фортепиано. Другой любимый вид спорта состоял в том, чтобы на ходу вскочить на подножку трамвая — в те времена конки — и прокатиться на ней семь километров по Невскому проспекту. Чрезвычайно подходящее времяпровождение, скажете вы, для подающего надежды пианиста, в особенности зимой, когда поручни конки сплошь обледеневали!

Но такая жизнь, лишенная всякого присмотра, имела свои преимущества, до известной степени развив в мальчике чувства самостоятельности и независимости, пригодившиеся ему в трудные периоды жизни.

Несмотря на лень, Рахманинов участвовал в ученических концертах, проходивших в Санкт-Петербургской консерватории. Их часто посещал президент Российского музыкального общества Великий князь Константин и другие лица, за-

нимавшие видное положение в обществе и музыкальном мире. Сергея это обстоятельство нисколько не смущало.

В то время ректором Санкт-Петербургской консерватории, основанной Антоном Рубинштейном в 1862 году, был прославленный виолончелист Карл Давыдов. Сам основатель консерватории уже много лет отсутствовал, концертируя по всей Европе. Он вернулся на пост ректора лишь в 1887 году, после смерти Карла Давыдова. Если бы Рубинштейн оказался в Петербурге на три года раньше, то музыкальное развитие Рахманинова, весьма вероятно, пошло бы по другому руслу. Совершенно ясно, что Давыдов не распознал и не оценил музыкального дарования мальчика, хотя и не упускал случая похвалиться юным пианистом на концертах.

Из событий внеконсерваторской жизни Рахманинов вспоминает два, оставивших глубокий след в его душе.

Самыми изумительными музыкальными впечатлениями не только того времени, но, наверное, и всего детства я обязан своей сестре Елене. Елена была на пять лет старше меня, и когда мы переехали в Санкт-Петербург, ей исполнилось четырнадцать лет. Она была удивительная девочка: красивая, умная, необычная и, несмотря на внешнюю хрупкость, обладающая поистине геркулесовой силой. Мы, мальчишки, бывали потрясены, видя, как она играючи гнула пальцами серебряный рубль. Помимо этого Елена обладала великолепным

голосом, красивее которого я не слышал за всю свою жизнь. Хотя она ни у кого не училась, но петь могла решительно все, потому что сама природа позаботилась о ее поразительном контральто. Наслаждение, с которым я слушал ее пение, не поддается описанию. Как раз в то время упрочилась известность и популярность Чайковского, впоследствии сыгравшего такую большую роль в моей жизни. Именно сестра впервые ввела меня в мир его музыки, захватившей мою душу. Она часто пела романс «Нет, только тот, кто знал», и, несмотря на ее юный возраст, а может быть, именно благодаря ему, этот романс, равно как и другие, которые она изумительно пела, нравился мне несказанно. Обычно она аккомпанировала себе сама, но иногда садился за рояль я, и результат бывал обычно весьма плачевным, потому что я чересчур увлекался своей партией и не обращал внимания на певицу. Я просто играл в свое удовольствие, вокальная партия меня мало интересовала: пусть следует за мной. Эти попытки совместного исполнения часто кончались тем, что сестра с криком «Пошел вон!» за ухо стаскивала меня со стула.

Хотя мы были бедны, красота и необыкновенные качества сестры привлекали в наш дом множество поклонников. Помню, это очень занимало бабушку. Она посвящала меня в свои мысли, и частенько мы проводили с ней целые вечера, обсуждая достоинства и недостатки этих молодых людей, тщательно взвешивая все за и против.

«Но избранники богов...» Эти слова как нельзя более

подходят к судьбе моей сестры, потому что в возрасте семнадцати лет у нее развилась злокачественная анемия, которая принимала все более угрожающий характер. Я помню жуткое чувство, которое испытал, когда она уколола палец и вместо крови из него потекла вода. Ей не довелось встретить свою восемнадцатую весну. За полгода до смерти она начала заниматься пением у знаменитого тогда в Петербурге преподавателя Прянишникова. Уроки заключались в основном в разучивании нескольких оперных арий. Прянишников настоял на том, чтобы она приняла участие в прослушивании, которое устраивали в императорском Мариинском театре – ее голос и исполнение произвели там сенсацию. Елену немедленно ангажировали на сольные партии – честь, которой новички удостаивались чрезвычайно редко. Но, как я уже сказал, она не успела увидеть огни рампы.

За другие сильнейшие музыкальные впечатления того времени я должен благодарить свою бабушку, чья добрая рука незаметно вела меня все годы, проведенные в Петербурге. Бабушка, будучи женщиной глубоко религиозной, регулярно посещала церковные службы. Она всегда брала меня с собой. Целыми часами мы простаивали в изумительных петербургских соборах – Исаакиевском, Казанском и других, во всех концах города. По молодости я гораздо меньше интересовался Богом и верой, чем хоровым пением несравненной красоты – в соборах часто пели лучшие петербургские хоры. Я всегда старался найти местечко под галереей и ловил каж-

дый звук. Благодаря хорошей памяти я легко запоминал почти все, что слышал. И в буквальном смысле слова превращал это в капитал: приходя домой, я садился за фортепиано и играл все, что услышал. За эти концерты бабушка никогда не забывала наградить меня двадцатью пятью копейками – немалой суммой для мальчика десяти-одиннадцати лет.

Это чудесное музыкальное времяпрепровождение не только щедро вознаграждалось, но и приносило огромную пользу, так как благодаря ему зародилась основа исключительного владения композитором техникой и фразировкой русского церковного хорового пения. А именно этому мы обязаны некоторым из лучших сочинений Рахманинова в этом жанре. Все это, увы, не имело отношения к занятиям в Петербургской консерватории. Видимо, педагог Рахманинова Демянский являлся на редкость серой личностью, коль скоро не сумел заинтересовать столь одаренного ученика. Надо признаться, что состав педагогов «младшего отделения» Санкт-Петербургской консерватории нельзя было назвать сильным. Теорию преподавал некто Рубец. Когда девятилетний Рахманинов поступал в консерваторию, а Рубец, убедившись в том, что мальчик безошибочно и моментально определяет звуки самых сложных аккордов, обнаружил у него абсолютный слух, он решил, что Рахманинов не нуждается в курсе элементарной теории (сольфеджио, пение с листа, хор и тому подобное), и сразу направил его в класс

гармонии, который вел профессор Ливерий Саккетти, теоретик и преподаватель эстетики и истории музыки Петербургской консерватории. Так девятилетний Рахманинов оказался в теоретическом классе ученого педагога и, не зная азов элементарной теории, хлопал пазами, не понимая ни единого слова во время его лекций. Разумеется, мальчик не в состоянии был восполнить пробел в знаниях, тем более что метод преподавания Саккетти основывался на полном отрицании каких-либо учебников – в счет шли только его лекции, которые студенты должны были заучивать наизусть. Усердные так и делали – но не Рахманинов. Да и трудно ожидать подобного от девятилетнего мальчика. Урок проходил за уроком, не прибавляя ни йоты к его знаниям, которые находились на нуле. В первый же раз, когда Сергея вызвали отвечать, обнаружилось его полное невежество: он не мог ответить ни на один вопрос. Маленький студент пробовал защищаться, он говорил, что еще слишком мал для таких премудростей, и просил – пожалуйста! – оставить его в покое. К великой радости мальчика, в результате этой сцены Саккетти просто-напросто отослал его назад в теоретический класс почтенного Рубца. Но и здесь Рахманинов продолжал лениться, уверенный в том, что педагоги высоко оценивают его талант, пока вовсе не бросил Петербургскую консерваторию.

Третий год пребывания Рахманиновых в Санкт-Петербурге ознаменовался для семьи ужасными событиями. На город

обрушилась эпидемия дифтерита, и всех детей в семье настигла эта опасная болезнь, поскольку в то время еще не существовало сыворотки Беринга. Мальчики выжили, но Сергей потерял вторую сестру.

К концу этого бедственного года в Санкт-Петербурге, на рубеже 1884 и 1885 годов, обнаружилось, что мать Рахманинова вовсе не так равнодушна к занятиям сына, как могло показаться.

На санкт-петербургском горизонте возшла тогда новая звезда по имени Александр Зилоти. Зилоти было двадцать два года¹⁴. Выходец из семьи крупных землевладельцев, он учился у Николая Рубинштейна и Чайковского в Московской консерватории, а в период 1883–1884 годов был, как говорят, любимым учеником Листа. В 1883 году он собрал богатый урожай почестей на Музыкальном конгрессе в Лейпциге. В глазах музыкальной общественности и публики Петербурга это окружило его имя ореолом славы, которая, надо сказать, нисколько не померкла после разразившейся в России грандиозной катастрофы. Зилоти был связан с семьей Рахманиновых тесными семейными узами (его мать приходилась сестрой Василию Рахманинову, и, значит, сам Александр – двоюродным братом Сергею).

Именно с Зилоти мать Рахманинова решила поделиться своими тревогами, для чего и привела мальчика к взрослому и уже знаменитому брату. Она рассказала ему обо всех

---

¹⁴ А.И. Зилоти в 1885 г. было двадцать два года.

трудностях и попросила совета, как выбить дурь из головы ее, без сомнения, музыкально одаренного сына, чья невероятная лень превратила талантливого ребенка в законченного бездельника. Ответ Зилоти заключался в следующем:

– Единственный человек, который сможет вам помочь, – это мой бывший преподаватель в Москве Зверев. Сергей должен пройти его строгую школу.

Мать Рахманинова смиренно приняла этот приговор. Она решила передать сына в ежовые рукавицы Зверева, в Московскую консерваторию, с начала нового учебного года, то есть со следующей осени.

Теперь мальчику оставалось в последний раз насладиться свободой, прежде чем начать новую, серьезную жизнь.

С тех пор как Рахманиновы переехали в Санкт-Петербург, было условлено, что три месяца каникул, так щедро дарованных в России школьникам, равно как и студентам консерватории, Сергей будет проводить с бабушкой близ Новгорода. Госпожа Бутакова сдалась на многочисленные просьбы любезного ее сердцу внука и в качестве компенсации за четыре или пять поместий, так весело пущенных на ветер ее зятем, купила небольшую усадьбу Борисово.

Те три месяца ничем не стесненной свободы в «божественной обители», которую Рахманинов полюбил больше всего на свете, оказались, безусловно, самым изумительным временем не только петербургского периода, но и всего детства композитора. Борисово, со всех сторон окруженное лу-

гами, полями и лесами, стояло на берегу реки Волхов, впадающей в озеро Ильмень. Здесь Рахманинов наслаждался полной волей и вел восхитительную жизнь, окруженный заботой и бесконечной любовью бабушки, совершенно не стеснявшей его ни в чем. В реке можно было удить рыбу и купаться, и вскоре Сергей стал героем деревенских мальчишек, покоровив их своим умением плавать. Иногда он брал лодку и плыл вниз по течению реки в мерцающих сумерках; в высоких речных камышах слышался гомон диких уток, медлительными черными тенями пересекали бледное северное ночное небо длинношеие цапли. Вечерний звон колоколов соседнего Новгорода плыл над деревенской тишиной. Колокола... Это было самое прекрасное. Сергей мог часами сидеть в лодке, прислушиваясь к их странным, призывным, совершенно неземным голосам.

Думал ли он, что в один прекрасный день обессмертит в своей музыке перезвон российских колоколов?

В усадьбе часто запрягали легкую коляску, и внук вез бабушку в соседний монастырь на службу. В этой обители, как и во всей окрестности, бабушка пользовалась всеобщим расположением и уважением. Да и внук тоже был всем известен – и жене священника, и самой скромной монахине, и крестьянину, и звонарю, который, пустив в ход обе руки и обе ноги, искусно манипулировал шнурами, привязанными к бесчисленным языкам колоколов, объединяя звуки в необычные ритмы.

Однако и музыку, хотя Сергей не занимался ею систематически, в Борисове он не забросил. Стоило приехать к ним в гости соседям или самим нанести ответный визит, как Ее Превосходительство, бывало, не преминет удивить восхищенных соседей талантом своего внука и не упустит возможности показать, как внук, пусть и лентяй, умеет играть на фортепиано.

По словам Рахманинова, именно тогда он впервые начал импровизировать. Мальчик пришел к выводу, что разучивание сонатин Кулау и Диабелли вместе с этюдами Крамера, Куллака и прочих авторов, которыми его пичкали в Петербургской консерватории, – тупое и недостойное его занятие; он решил взять дело в свои руки и упорно импровизировал. Полагаясь на низкий музыкальный уровень местного общества, он выдавал свои импровизации за сочинения Шопена и других модных композиторов, явно неизвестных в округе. Его всегда вознаграждали бурными аплодисментами и ни разу не раскрыли сей невинный обман.

Последнее лето, которое маленький Сережа проводил в Борисове, было омрачено тенью надвигающегося отъезда в Москву. Чтобы внушить ему необходимое уважение к профессору Звереву, будущему наставнику, учителя обрисовывали его как укротителя диких зверей, который обуздывал их нрав своей строгостью и порол учеников при первой удобной возможности, так что те постоянно дрожали от страха. Эта перспектива внушала страх даже такому храброму маль-

чику, как Рахманинов. Со смущенной душой он гулял по полям и лесам поместья и, вслушиваясь в колокольный звон новгородского собора Святой Софии, часто вздыхал и думал о кремлевских колоколах, которые ему вскоре предстояло услышать.

Когда роковой день наступил, он в последний раз повез бабушку в монастырь, где отслужили торжественный прощальный молебен.

Потом бабушка повесила на спину внуку ранец, куда положила сто рублей, перекрестила любимца и проводила его до станции. С тяжелым сердцем отправляла она Сережу в Москву на долгое время.

С той поры он лишь однажды видел бабушку – единственного друга его детства.

Вскоре после отъезда Сергея госпожа Бутакова продала имение, которое приобрела только ради него.

Глава третья. Москва. Зверев и Аренский. 1885—1889

Строгая дисциплина в классе Зверева в Москве. — Зверев и его «мальчики». — Московская консерватория. — Танеев и учителя. — Приезд Рубинштейна в Москву. — «Исторические концерты» и соное представление «Демона». — Первая встреча с Чайковским. — Музыкальный антагонизм между Москвой и Санкт-Петербургом. — Рахманинов делает переложение «Манфреда» для двух фортепиано. — Лето в Крыму. — Класс по гармонии Аренского. — Первые попытки сочинять. — Заключительный экзамен по гармонии (отношение Чайковского). — Занятия контрапунктом в классе Танеева. — Зилоти как преподаватель фортепиано. — Заключительный экзамен по фортепиано. — Скрябин. — Последний экзамен по классу фуги.

В дождливый августовский день 1885 года двенадцатилетний Рахманинов приехал в Москву. Едва ли мальчик предполагал, что город, которого он так страшился, станет вскоре его вторым домом и предоставит столь щедрые возможности для его художественного развития. Заранее было договорено, что Рахманинов будет не только заниматься у Зверева, фигура которого маячила перед ним, как грозный призрак,

но и жить в его доме. Однако он не должен был представить-ся ему немедленно по приезде и получил трехдневную отсрочку, во время которой мог жить у своей тетушки, госпожи Зилоти, всегда проводившей зиму в Москве.

Между тем, безусловно, стоит пристальнее взглядеться, что же представлял собой будущий наставник Сергея Рахманинова. К концу девятнадцатого столетия Николай Зверев, которому вскоре должно было исполниться шестьдесят¹⁵, являлся одной из самых своеобразных фигур на фоне общественной и музыкальной жизни Москвы. Его музыкальную карьеру определила чистая случайность. История Зверева во многом повторяет судьбу Рахманинова-отца. Подобно Василию Рахманинову, он принадлежал к выходцам из знатной русской помещной аристократии; так же, как он, пустил на ветер несколько превосходных поместий и тоже отличался необычайной музыкальностью. Но талант Николая Зверева пестовали более тщательно. Зверев учился у Дюбюка, который наряду с Виллуаном (учителем братьев Рубинштейн) считался лучшим педагогом по фортепиано в тридцатые-со-роковые годы девятнадцатого столетия. Продав свое последнее имение, Зверев получил в Санкт-Петербурге пост в одном из государственных учреждений. Оказавшись проездом в Москве, он встретил своего бывшего учителя. Дюбюк очень обрадовался встрече с учеником, которого высоко ценил главным образом за его незаурядные свет-

---

¹⁵ Николай Сергеевич Зверев родился в 1832 г.

ские таланты.

– Куда вы направляетесь? – спросил Дюбюк Зверева.

– В Петербург.

– Зачем?

– Я получил место в министерстве.

– По какому случаю?

– Чтобы зарабатывать на хлеб.

– Какое же у вас будет жалованье в Петербурге?

– Сто рублей в месяц.

– Оставайтесь-ка лучше здесь. Я устрою вам на такую же сумму частные уроки.

Зверев остался в Москве и вскоре стал самым труднодоступным и высокооплачиваемым педагогом по фортепиано в древнем городе. Его представили знатным купеческим семьям – московской плутократии, занимавшей роскошные особняки Замоскворечья. Там Зверев и процветал, отчасти благодаря музыкальным способностям, отчасти светским. Его присутствие было обязательным условием во время всех обедов и ужинов, которые давали представители деловых и купеческих кругов Москвы. Ему не было равных за карточным столом, непременной принадлежностью послеобеденного времяпрепровождения в богатых московских семьях. Зверев имел склонность к так называемым «азартным» играм: висту, бостону, преферансу, – но особенной известностью за карточным столом пользовались его изысканные, впрочем, совершенно естественные манеры, нередко про-

изводившие большее впечатление, чем миллионные ставки «королей икры». Так как многочисленные уроки приносили ему существенный доход, пополнявшийся крупными карточными выигрышами, он жил на широкую ногу, и это тоже весьма импонировало московским купцам. Но с тех пор, как началась его ослепительная педагогическая карьера, никто не слышал, чтобы Зверев играл на фортепиано. Он предпочитал теорию практике. Судя по большому количеству знаменитых учеников, он был прекрасным преподавателем. Частью для поддержания репутации, частью, несомненно, для собственного удовольствия Зверев постоянно брал нескольких учеников жить к себе в дом. При этом Зверев предпочитал наименее «искушенных», так как стремился сам руководить не только их музыкальным, но и общим развитием. Поскольку он гордился своими учениками и ему доставляло удовольствие появляться в обществе в их сопровождении, он, как правило, приглашал к себе в качестве постоянцев тех учеников, которых отличал или музыкальный талант, или выдающиеся моральные качества, такие как прилежание, честолюбие и тому подобное.

Когда в 1866 году Николай Рубинштейн основал Московскую консерваторию, он в числе первых предложил Николаю Звереву присоединиться к нему в качестве преподавателя фортепиано на младшем отделении. Зверев принял это предложение, почти, впрочем, не уменьшив огромного количества частных уроков.

Таков был облик человека, ставшего учителем Рахманинова. Рахманинов поселился у Зверева вместе с двумя другими мальчиками, Максимовым и Пресманом. Максимов и Рахманинов отличались необыкновенной одаренностью, тогда как Пресман выделялся превосходными душевными качествами. Максимов, обещавший стать одним из самых блестящих русских пианистов, скончался от тифа, не дожив до двадцати лет; Пресман, ставший великолепным педагогом, закончил свою карьеру в качестве директора консерватории, основанной Императорским музыкальным обществом в Ростове-на-Дону, достигнув чрезвычайно высоких результатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.